

Как отмечает П. Н. Третьяков, в конце III – начале II тысячелетия до н. э. появились и стремительно распространились в Европе вплоть до Рейна, по Днепру, по Верхней и Средней Волге, в Причерноморье, на Балтике и Южной Скандинавии племена шнуровой керамики или боевых топоров [8, с. 69–70].

При этом на всей территории Восточной Европы мы отмечаем великий пласт балтской гидронимии [7; 10]. Очевидно, что именно племена боевых топоров пользовались балтской языковой средой. Балтские параллели легко улавливаются и в гидронимах Фракии и Дакии [11; 15]. Таким образом, можно говорить, что автохтоны на территории современной южной Румынии были балтоязычным субстратом. Миграция готов не могла кардинально изменить языковую основу местного населения (здесь резонно вспомнить, например, постепенную, в отличие от готов значительно более длительную, интеграцию в Восточную Европу славян, сохранивших и балтские гидронимы, и языковые элементы «аборигенов»). И в данном контексте отметим выводы археологов: племена шнуровой керамики составляли одну из групп древних индоевропейцев – были предками германцев, балтов (современных) и славян [8, с. 69].

Наше «золотое кольцо» замкнулось и очертило область – балтская языковая среда, в которой можно искать разгадку рассматриваемой надписи. Тогда фраза может выглядеть как *gutani owi hailag*. Можно предположить, что первое слово является глаголом настоящего времени, единственного числа, второго лица *gáudini* от балтского глагола *gáudinti* (сюда же *gaudyti, gauti*) – поправлять, получать, оживлять, достигать и т. д. [14, с. 166; 17, с. 162–163; 16].

Третье слово может соответствовать *kēlega* – путь, дорога, а также связь с понятием «жизненный цикл, жизнь» [16]. Последнее значение вытекает из индоевропейского корня *k^hel-1, k^helə-* (вращать, окружать заботой, жить), лежащего в основе литовских *kelti, kēlias, kel^hnas* и т. д. [14, с. 236; 18, с. 639–640]. J. Rokony одним из производных называет древнеанглийское *heals*, соотносимое с современным *halse*. Но, с другой стороны, данный корень присутствует и в современном английском *heal-th* (здоровье), которое, в свою очередь, имеет этимологию, так же как и *hails*, от *whole* (целый, здоровый, невредимый) [19, с. 200], по одной из версий, общего с *halse*. В таком контексте интересным выглядит предположение А. Е. Аникина о балто-славянской основе **kela-* – колесо; то, что поворачивается (>□мера времени□) [1, с. 208], т. е. тот самый «жизненный цикл / путь». Надо полагать, германское *hail-* и прусское *kails* есть другая степень вокализма рассмотренного корня. Сюда же укладывается и позиция Э. Бенвениста, который указывает, что готское *hails* выражает идею здоровья, физической и телесной невредимости, целостности [2, с. 346].

Тогда частица *owi* есть огласовка *ouye* (в германских – **awiz*) – в реальности, сущности и т. п. [14, с. 340–341; 19, с. 45–46]. Таким образом, древний

ювелир использовал оборот *owi-hailag*, или первоначально как *avi-kēlega*. При этом рассматриваемая фраза могла звучать дословно как «получаешь наяву жизнь / заботу» или, в религиозно-духовном значении, «обретаешь истинную жизнь».

Кстати, *hailag* встречается еще один раз в древней рунической надписи на фибуле, найденной в Германии близ Mülheim-Kärlich. Во фразе *wodini hailag*, по мнению одних, два слова читаются как «тот, кого Вотан одарил добрым состоянием», здесь прослеживается попытка провести параллели с надписью *gutaniowihailag* [2, с. 347]; другие же считают это подделкой, поскольку начертанное не соответствует принятым историческим и фонетическим аспектам [13, с. 155–165]. Очевидно, что два рассматриваемых слова не могут выражать столь сложное предложение про дары Вотана. Поэтому мы вновь обратимся к балтской языковой среде. Первое слово можно представить глаголом настоящего времени, единственного числа, второго лица *vadini* (*vadyti*, *vadinti* и *vedinti*, объединенные балтским глаголом *vesti*, сюда же и прото-германское **wedan-* [19, с. 577]) со значением «призывать, поощрять, пробуждать и т. д.» [14, с. 484; 17, с. 710, 743–744; 16]. Тогда фраза приобретает вполне понятный смысл: «пробуждаешь жизнь».

В таком языковом контексте становятся интересными рунические надписи на трех древних копьях, найденных на территории современной Дании. Артефакты датируют примерно II–III веками. Нанесенная на наконечники копий одинаковая надпись *wagnijo* интерпретируется исследователями как имя мастера или название копья «движущийся, едущий» [6, с. 92]. Однако в рамках нашего исследования становится очевидным, что надпись происходит от балтского слова *ugnis* – огонь [14, с. 478; 16], определяя одновременно высокое качество стали – «огневая» (*ugni□jis*), т. е. закаленная, сильная, крепкая, и внешний вид изделия – «огненная» (переливается на солнце, как всполохи огня), наподобие клейма ULFBERHT, в котором часть *berht* есть «сияющая, блестящая, мерцающая» (отражает специфические свойства клинковой стали) [19, с. 60–61].

Параллели с рассмотренной надписью на кольце из Пьетроассы можно увидеть во фразе, начертанной на копье из Ковеля. Ещё в XIX веке Л. Виммер указал, что читать надпись необходимо справа налево, т. е. от втулки к острию, и отмечал большое значение ковельской находки не только для рунологии, но и для германистики и истории культуры в целом [6, с. 91]. Исследователи предлагали различные варианты прочтения, ссылаясь то на восточногерманские языки, то на готский. Наиболее распространенным стало мнение, что на наконечнике имеется слово *tilarids*, которое интерпретируют как *tila-rids* – движущийся к цели [6, с. 91]. Как обычно, смысл и значение начертанного остаются за рамками предлагаемых исследователями версий и гипотез. В

рамках нашего обсуждения можно предположить, что первый элемент композита происходит от слова *telus* (*talokas* – взрослый, высший и т. п. (кстати, близкий по духу символ находится на копье – знак в виде колоса (по три отростка с каждой стороны с удлинённым стеблем) [6, с. 89]) [16]. Корень *tel-* взаимосвязан с греческим глаголом *τελέω* (существительное – *τέλος*) – доводить до совершенства, посвящать, принадлежать к высшему классу, сражаться и т. д. [4, т. 2, с. 1612–1614]. При этом восходит данное слово к вышеупомянутому индоевропейскому корню *k^hel-1*, *k^helə-* [18, с. 639].

Второй компонент связан со словом *rēdas* (ряд, часть комплекса, наряд, власть, сословие, пир, кара): глагол *rėdyti* (украшать, снаряжать, руководить, приводить в порядок) [17, с. 505–506; 16]. Конечно, это никакой не славянизм, поскольку имеется многообразие форм и значений в литовском языке. Семантическое родство наблюдаем и в латышском *ridit* (приводить в порядок), *ridi*, *ridas* (элемент, оружие, прибор) [17, с. 498; 18, с. 60].

Таким образом, надпись на копье гласит: «высший / совершенный порядок / снаряд». Это могло быть указанием как на высокое качество оружия, так и на сакральный смысл предмета с учетом семантики «пир, кара, власть» и символических фигур (кружочков, свастики, полумесяца и др. [6, с. 89], сопровождающих надпись.

Отметим еще один момент: в объяснении значения термина *telus* присутствует прилагательное *suauges* – выросший, достигший зрелости, совершенства [16]. Надо полагать, что данному понятию («совершенный, крепкий») соответствует надпись *sioag* на копье II – начала III века с острова Готланд [6, с. 92].

Ещё одно копье было найдено у города Dahmsdorf (Восточная Германия). Артефакт был датирован примерно 250 годом и содержал руническую надпись *ranja*. Исследователи определяют ее интерпретацию как «отправленный в путь» [6, с. 92]. Однако более соответствующим смысловому содержанию древнего объекта является глагол *rōnyti*, *-ija*, *-ijo* (ранить, разрушать, причинять вред [16]), производная которого по словообразовательной аналогии с вышерассмотренным *wagnijo* может означать «разящий, сокрушающий».

И уже совсем интригующе выглядит надпись (*k*)*rlus*, нанесенная на копье (датировка – середина III века), найденном на территории Гарнобжегского повята в Польше [6, с. 92]. Исследователи предлагают странную интерпретацию – «я эрул», т. е. мастер рун. Однако мы имеем дело со словом *kruliūiti* – царствовать, владычествовать, руководить, управлять, первенствовать [16] (в нашем случае словообразовательная модель – царский, руководящий), либо указывающим на принадлежность копья вождю, либо имеющим сакральный смысл, либо указывающим опять-таки на отличные качества изделия.

Можно остановиться и еще на одном, теперь уже «женском», сюжете древних мастеров. Под Копенгагеном в захоронении III века н. э. была найдена пряжка с рунической надписью *alugod* и изображением свастики. До сих пор текст остается без должной интерпретации [5, с. 509]. Исследователи гадают, то ли перед нами мужское / женское имя, то ли фраза «защита хорошая» (свастика или от свастики?), то ли посыл «все боги». Однако на пути ученых встают непреодолимые препятствия: отсутствие аналогичных антропонимов, фонетические трудности, отсутствие смыслового восприятия древнего текста.

Мы же начнем рассматривать надпись с конца. Текст завершается начертанным символом свастики. Как отмечает А. Голан, свастика обозначала годовое движение (цикл) солнца и была в языческой Скандинавии эмблемой Тора [3, с. 122]. И здесь мы обращаем внимание на индоевропейский корень *ghedh-*, *ghodh-* (соединяться, сплачиваться, сочетаться), который лежит в основе балтских *guõdas*, *gãdas* (слава, честь, праздник, поклонение, свадебный обряд), прогерманских **goda-* (*godr*, *god* и т. д. – хороший, годный) и славянских *godъ*, *god* (год, <важный, религиозный> праздник, зрелость, время жизни) [14, с. 194; 18, с. 423–424]. Очевидно, мы вновь наблюдаем связь с жизненным циклом в религиозном понимании (отмечаем похожий смысл в рассмотренной надписи на кольце из Пьетроассы). В таком случае ни «пиво» (*alu*), ни «все» (*allu*) не могут быть первым компонентом надписи на пряжке (это всё-таки не пивная кружка). Надо полагать, мы имеем дело с индоевропейским корнем *alā* и глаголом *aluoti*, *aluo[ja]*, *aluo[ãvo]* – приветствовать, издавать боевой клич, призывать (отмечаем семантическое родство с вышерассмотренным оборотом *wodini hailag*) [18, с. 29; 16]. Теперь становится понятным смысл древней надписи: призывает (пробуждает) новый жизненный цикл. Поскольку пряжка найдена в женском захоронении, то значение текста связано с замужеством женщины (сочетание с мужчиной, свадебный обряд, что, собственно, и отражает компонент *god*), у которой начинается новый этап в жизни, а амулет должен принести ей семейное счастье.

Можно подвести некоторые итоги нашего исследования. Очевидно, руническое письмо не было прерогативой готов, оказавшихся в Восточной Европе. В первые века нашей эры языковой средой существования племен на той территории была древнебалтская общность. Именно балтская языковая среда наиболее полно и точно обосновывает вывод исследователей, который можно распространить на все изученные в данной работе рунические надписи: «Во всех случаях признается магическо-символический характер надписи, с одной стороны, описывающей качества самого копья, с другой – направленной на придание ему большей действенной силы» [6, с. 91]. Кроме того, надписи на амулетах, брошках и других ювелирных изделиях древних мастеров содержат похожие по смыслу жизнеутверждающие заклинания и пожелания хозяину вещи.

Изученные находки укладываются в ареал археологической культуры боевых топоров. Рассмотренные надписи имеют внутреннюю логику и семантическую связь, показывая единый подход к смысловому наполнению фраз. Существенный сдвиг готов к германским языкам происходил в эпоху великого переселения народов, когда вторгшиеся гунны отеснили их к Рейну, к германским племенам. Тогда же на основе балтского субстрата началось и зарождение славянского субстрата [12].

Литература

1. Аникин А. Е. К балтийским параллелям праславянских лексем (1-6) // Балто-славянские исследования (1997), 1998. С. 206–225.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
3. Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 376 с.
4. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / сост. И. Х. Дворецкий; под ред. С. И. Соболевского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
5. Кузьменко Ю. К. К интерпретации надписи старшими рунами на пряжке из Вэрлесе // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2014. № 18. С. 509–526.
6. Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 496 с.: ил. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
7. Топоров В. Н., Трубочев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 271 с.
8. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966, 347 с.
9. Успенский Ф. Артефакт: Кольцо из Пьетроассы. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/faq/49370>
10. Федченко О. Д. К вопросу о происхождении гидронимов Русского Северо-Запада // Псковский регионологический журнал. 2019. № 3(39). С. 84–95.
11. Федченко О. Д. Балтские параллели в гидронимии Фракии [Электронный ресурс] // Культура и время перемен. 2019. № 3(26). URL: timekguki.esrae.ru/42-464
12. Федченко О. Д. Появление славян: венеты, анты, склавины // NovaUm. 2019. № 17. С. 44–49.
13. Baetke W. Das Heiligeim Germanischen. Tübingen: Mohr, 1942. 226 s.
14. Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill. Leiden-Boston, 2015. 684 p.
15. Дуриданов И. Езикът на траките. София: Наука и изкуство, 1976. 167 с.
16. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002) [Электронный ресурс]. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005. URL: <http://lkz.lt/>

17. Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego (Lietuvių kalbos etimologinis žodynas). Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007. 823 p.
18. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern & München, 1959. 1183 p.
19. Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Brill. Leiden·Boston, 2013. 794 p.

УДК 811.111 + 811.161.1

*A. A. Shafigullina, M. I. Andreeva (Kazan)
Kazan State Medical University*

The lexical specifics of English medical fiction works and their Russian translations (in case of short stories by Arthur Conan Doyle)

В статье описаны лексические и синтаксические особенности перевода английского рассказа на русский язык. Основное внимание уделяется выявлению и определению трансформаций (лексических и синтаксических), используемых при переводе. В качестве источника взят рассказ из сборника «медицинских» рассказов Артура Конан Дойля. Также указываются особенности медицинской терминологии, использованной в рассказе. Исследование проводится в четыре этапа.

The article describes the lexical and syntactic specifics of translating English short story into Russian. The focus is to reveal and determine the transformations used during the translations. The transformations fall into lexical and syntactic. The story of Arthur Conan Doyle's collection of medical stories is used as a source. The features of the medical terminology found in the story are also indicated. The research is performed in four stages.

Keywords: lexical specifics, ‘A Straggler of 15’, Arthur Conan Doyle, translations, transformations

Introduction. The linguo-cultural specifics of fiction texts, undoubtedly, is in the focus of numerous research works. Both English and Russian researchers claim that in the process of translation, the priority is to keep and convey the specifics of the original text. However, due to the differences in the structural and grammatical features of English and Russian, the complete correlation between the source and target texts may not be possible. In given research we study the peculiarities found in English and Russian texts when compared.

The aim of our research is to reveal lexical and syntactic specifics in unabridged English medical short stories by A. Conan Doyle and compare English texts with their Russian translations. It is known that translators can allow lexical and syntactic imprecision due to different cultural and historical particular qualities. Transla-